

Жажда золота как перверсия*

Р. Г. Назиров

Набросок статьи о жажде золота примыкает к главной теме научных занятий Р. Г. Назирова — истории сюжетов.

I

Романтическая критика капитализма с самого начала отказалась от морализирования. Хотя Максимилиан Робеспьер говорил, обращаясь к французской буржуазии: «Грязные души, уважающие только золото! Я не хочу трогать ваших сокровищ» — революция, однако, была насквозь моралистична. Конфискации, реквизиции, прогрессивный налог и принудительные займы были обычными инструментами её экономической политики, идеологическим оправданием которой служило представление о безнравственности богатства.

Христианство угрожало богатым, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное (евангелие от Матфея, XIX, 24). Революция, несмотря на свои колебания между деизмом и полным атеизмом, «упразднила» идею загробного воздаяния. Религиозность, однако, оставалась в скрытом виде активным началом социального морализирования якобинцев. «Стыдно быть богатым» — таково последнее слово этого морализирования.

Но после 9 термидора оргия нуворишей в сердце голодающего Парижа явила такую бездну самого наглого бесстыдства, что миру стало ясно: никаким морализированием не сдержат жажду богатства и наслаждения свежей добычей. Первые же романтики вместо морали поставили в центре своей критики капитализма эстетику: неудержимое стремление к золоту стало трактоваться как неэстетичное, безобразное явление, как искажение человеческой природы.

В связи с панэротизмом романтического мышления и метафорическим способом изображения мира это искажение человеческой природы стало представляться как половое извращение, как сумасшедшее стремление к сексуальному обладанию драгоценным металлом и как фетишистское поклонение его мёртвенной красоте.

В то же время пионеры континентального капиталистического развития (мы исключаем Голландию и Англию, как страны, уже пережившие буржуазные революции) не были заурядными скопидомцами, вульгарными и низкими сберегателями своих заветных кубышек или пресловутого «шерстяного чулка», как у французских крестьян. В начале XIX века

*АРГН оп. 4. д. 4.

европейский капитализм породил целый ряд крупных, незаурядных фигур, среди которых оказались и выдающиеся учёные, и талантливые изобретатели, и видные патриоты. Достаточно вспомнить, что скупщик национальных имуществ во время Французской революции Анри-Клод де Сен-Симон, одно время весьма богатый человек, стал создателем великой социально-утопической доктрины, а Нюрнбергский книготорговец Иоганн-Филипп Пальм, расстрелянный французским военным судом 26 августа 1806 года в Браунау, — одним из первых мучеников немецкого национального освобождения. Но и те, которые оставались только капиталистами, не раз удивляли современников своею энергией, инициативностью, размахом своих начинаний или хотя бы остроумием своих мошеннических афер, наподобие той известной «победы при Ватерлоо», которую одержал не Веллингтон и не Блюхер, а банкир Натан Ротшильд, при помощи ложной тревоги перевернувший лондонскую биржу.

Короче говоря, «герои» этой бурной эпохи (мы говорим о первых двух декадах XIX века), пролагая пути капитализму, нередко вырастали в сильных, ярких, незаурядных людей. Объективный трагизм их исторической ситуации заключался в том, что всё богатство их человеческих способностей и дарований посвящалось в жертву богатству металлическому, чисто материальному, и что большие силы затрачивались для достижения маленькой цели — личного обогащения. Эту объективную трагиду раннего капитализма XIX века выделило из массы явлений и гиперболически подчеркнуло романтическое искусство Европы. Извращение человеческой природы патологической страстью к золоту оно показало как трагедию незаурядной человеческой личности.

Людвиг Тик в своей новелле «Руненберг» (1802) изобразил обаятельного юношу Христиана, которого погубила жажда золота. Развивая некоторые мотивы немецкого фольклора, Тик в то же время придал сюжету болезненные эротические оттенки. Нагая красавица, которую Христиан увидел в зале древнего замка Руненберг и которая дала юноше магическую каменную таблицу (*die magische steinerne Tafel*), — это *die Goldkonigin*, властительница приносящих беду металлов. Вид её вызывает у Христиана сложную гамму чувств: трепет робости, эротическое томление, жажду обладания. «В душе его разверзлась бездна образов и благозвучий, тоски и сладострастия...»

В новелле Тика тема золота и тема мирного труда олицетворяются антитезой двух женщин: черноволосой девы Руненберга, которую Христиан увидел во всём блеске её пугающей красоты, одетую лишь её вьющимися волосами, и белокурой Элизабет с её кроткими голубыми глазами, которую Христиан впервые увидел, когда она молилась в церкви. Внутренняя психологическая раздвоенность Христиана драматизируется как любовное соперничество двух женщин, как их борьба за сердце героя.

Эротический характер страсти Христиана к золоту блестяще подчёркнут самим стилем описаний в новелле Тика. В тух местах, когда Христиан встаёт ночью пересчитывать свои золотые монеты, мы читаем: